
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 111.1

DOI 10.5281/zenodo.18400068

Земляков Г. С.

Земляков Глеб Сергеевич, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет, д. 7–9, Университетская наб., Санкт-Петербург, Россия, 199034.

Существование и тождество в формальной логике и философии на примере учения Парменида о бытии

Аннотация. Проблемой настоящего исследования является отношение между существованием и специфическими особенностями или свойствами абстрактных и конкретных объектов. Настоящая проблема рассматривается в рамках историко-философского контекста, а именно, в границах истории античной философской мысли. Способ, каким существуют изучаемые объекты, исследуется на предмет абстрактности данных объектов. На примерах из истории философии, а также на примерах из повседневной жизни, раскрывается тесная связь между существованием и природой, т. е. способом бытия эмпирических и интеллигибельных объектов. Обоснованию подлежит тот тезис, что существование абстрактных объектов полностью обусловлено их интеллигибельной, абстрактной природой. Приводятся в пример идеи Платона и бытие Парменида, которые существуют всегда в соответствии с тем способом, каким они представлены в интеллигибельном мире.

Ключевые слова: бытие, существование, идея, природа, тождество, объект, абстракция, логика, Парменид, Платон.

Zemlyakov G. S.

Zemlyakov Gleb Sergeevich, Senior Lecturer, Saint Petersburg State University, 7–9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, Russia, 199034.

Existence and birth in formal logic and philosophy, using the example of Parmenides' teaching on being

Abstract. The present study deals with the problem of existence of abstract and concrete objects. This problem is investigated within a historical-philosophical context, namely, within the boundaries of the history of ancient philosophical thought. The way in which certain, arbitrarily chosen objects exist is examined in relation to their nature, concrete or abstract. Using examples from the history of philosophy, as well as examples from everyday life, the close connection between the existence and nature of empirical and «intelligent» things is revealed. The thesis that the ex-

istence of abstract objects is entirely due to their intelligent, abstract nature is justified. Plato's ideas and Parmenides' being are cited as examples, which exist always in connection with the way in which they are represented in the intelligible world.

Key words: being, existence, idea, nature, identity, object, abstraction, logic, Parmenides, Plato.

Зависит ли существование какой-либо вещи от ее природы? Отличается ли существование или бытие сущего от его природы? И если данное отличие имеет место быть, то какова связь между природой сущего и фактом существования этого сущего, т.е. самим его существованием? Что такое существование? И что такое природа? Наконец, что такое бытие?

Эти вопросы не раз поднимались на протяжении всей истории философии. Ответы на данные вопросы столь многочисленны, а порой и неоднозначны, что одно только перечисление их заняло бы отдельное исследование. Не берясь дать исчерпывающий ответ на все поставленные выше вопросы, а также не стремясь изложить всеобъемлющую историю ответов на них, попробуем приблизиться к решению некоторых из этих вопросов в сугубо логико-философском контексте. С этой целью обрисуем общую проблему взаимоотношения природы или способа бытия различных вещей с одной стороны, и существования этих вещей с другой. Приведем примеры соотношения свойств вещей и их существования, а затем попытаемся дать формально-логическое объяснение этой взаимосвязи.

Обратимся к эмпирическому опыту, в котором даны т.н. чувственные вещи, а также к математике, самой строгой из всех фундаментальных наук, хотя и рассматривающей вещи в их неподвижности и отвлеченности, т.е. идеальные или, говоря по-другому, интеллигибельные вещи.

Знаменитый математик А. Реньи когда-то привел характерный пример, напрямую касающийся взаимоотношения формы и существования различных чувственных и сугубо интеллигибельных предметов. Рассмотрим его, чтобы затем детально обрисовать проблему существования и природы объектов.

Профессор Будапештского университета в своих диалогах о математике приводит пример взаимосвязи различных эмпирических вещей и их видимых форм. Ученый полагает, что всякий чувственный образ вещи соединяет в себе и форму, и в некотором роде саму эту вещь в определенном единстве [11, с. 26]. Так, утверждает ученый, если некто видит сосуд, то он видит и его форму, и сам этот сосуд. То же самое происходит, когда рассматривают, например, ягненка. Тогда ведь видят и самого ягненка, и его шерсть. При этом и сосуд может изменить свой вид, потеряв, например, ручку или крышку, но не перестав от этого быть сосудом, и ягненок может быть острижен, при этом не перестав быть ягненком. Такие вещи часто называются в философии контингентными или эмпирическими, т. е. изменяющимися и преходящими, имеющими начало и конец своего существования во времени и в пространстве. Подобного рода контингентные вещи легко меняют свой внешний вид или форму, но в связи с этим еще не перестают каким-то образом существовать.

Некоторые интеллигибельные вещи, заверяет А. Реньи, не таковы. Например, невозможно отделить от треугольника его видимую форму, чтобы сам этот треугольник при этом не перестал существовать. И это же касается всех других рисуемых в воображении или в уме геометрических фигур. Их существование таково, что его невозможно отделить от их собственной формы, ведь в этом случае сами эти вещи прекращают свое существование.

Обрисованные А. Реньи примеры требуют своего внимательного рассмотрения, а кроме того, их можно дополнить. Так, если рассуждать по аналогии с приведенными выше примерами А. Реньи, то можно установить не только различие в свойствах между предметами интеллиги-

бельными и чувственными, но также выявить некоторое их сходство.

Например, понятно, что красноты нет без ее носителя, т. е. чего-то красного. Поэтому краснота, очевидно, предполагает то, что является красным. Но, с другой стороны, изменение в цвете вовсе не прекращает существование тех вещей, которым этот цвет присущ. В свою очередь, чувственные вещи, обладающие той или иной формой и протяженностью в пространстве, также предполагают какой-то цвет. И часто бывает так, что изменение различных вещей в форме еще не означает их изменения в цвете.

Таким образом, можно утверждать, что всякий предмет, обладающий той или иной формой и протяженностью, обязательно обладает некоторым цветом и не может быть без него. При этом цвет предмета, конечно же, может быть самым различным, т. е. речь не идет об обладании некоторым предметом конкретным цветом, но об обладании им возможностью иметь какой-либо цвет вообще.

Но, с другой стороны, и цвет предполагает то, что в него окрашено, т. е. предмет некоторой формы. Понятно, конечно же, что и цвет, и форма предметов могут быть в данном случае самыми различными.

Отсюда можно сделать вывод, что связь между обладанием цветом и обладанием внешней формой контингентных предметов или вещей должна казаться не менее существенной, чем связь между обладанием формой и самой вещью в случае вещей интеллигибельных. Одного здесь попросту нет без другого, хотя речь идет о контингентах объектов.

Здесь, конечно, нужно оговориться. Сами по себе такие свойства, как «краснота», «белизна» и пр., не представляют собой самостоятельно существующих свойств, но скорее абстракции. С другой стороны, никто не будет отрицать, что всякий конкретный цвет представляет собой, грубо говоря, порождение субъективной способности к восприятию цвета, а сам цвет вещи полагается присущим ей

в соответствии с наличным восприятием, а потому проводить различие между эмпирическими вещами по их конкретному цвету вполне возможно. Одно здесь, конечно же, отделяется от другого, ведь вещи меняют и свои цвета, и свои формы. Однако, если иметь в виду уже сами абстрактные признаки «обладать цветом» и «обладать формой», то здесь уже нельзя говорить о возможности их отделения друг от друга без противоречий.

Понятно также и то, что крайне малые объекты, такие как электрон, по всей видимости, не обладают никаким цветом. Это утверждение верно только для макрообъектов, в том числе принадлежащих пространству повседневной практики, т. е. соразмерных с человеком. Тем не менее отметим, что при естественной установке на рассмотрение вещей, характерной для повседневной жизни и практики обращения с ними, такого рода микроскопические объекты просто не учитываются, не принимаются на вид.

Что касается интеллигибельных предметов, то они, конечно же, не могут быть восприняты посредством органов чувств, а потому лишены субъективной окраски, связанной с восприятием. Такие во многом идеальные вещи, как треугольник вообще, евклидовы точка и линия мыслятся согласно с их определениями безотносительно к воображению, восприятию или вообще какой-либо специфической склонности мыслящего индивида. Общие понятия этих интеллигибельных предметов у всех одни и те же, и они в целом, если говорить об их определении, не зависят от произвола индивидуального мышления.

То же самое касается и многих умозрительных или интеллигибельных предметов философии, таких как вторые аристотелевские субстанции, платоновские идеи или, например, бытие Парменида. Это последнее, например, также должно мыслиться всеми читателями философской поэмы элэата «О природе» совершенно одинаково, т. е. согласно с его простейшим определением.

Представления о конкретных предметах всегда индивидуально «окрашены», хотя, конечно, нельзя сказать, что сами представления об объектах имеют цвет, яркость и пр. Понятия же интеллигибельных предметов лишены индивидуальной «окраски», и в этом плане они не являются субъективными.

Отличие между чувственными и интеллигибельными предметами состоит, таким образом, не только в различной связи между их формами и самими же объектами, но и в некоторой «объективности» их понятий, т. е. в возможности представлять себе первые совершенно субъективно, и в необходимости мыслить вторые всегда в точном и несубъективном смысле слова.

Продолжим рассмотрение поставленной проблемы. Спросим себя, имеется ли связь между существованием и природой контингентных и интеллигибельных вещей? Иначе говоря, существует ли связь между существованием и природой различных предметов? Существует ли здесь связь подобная той, что имеется между формой и воспринимаемым предметом, а также между цветом и формой вещи? С необходимостью ли предполагает та или иная природа вещи ее существование в том или ином виде? Или это не обязательно? И что именно за связь может иметь здесь место? Связь ли причины и следствия? Или связь логической необходимости, т.е. связь, имеющаяся в мышлении? И если верно последнее, то через что можно выразить данную связь? Только ли через импликацию, эквивалентность, выводимость или пресуппозицию?

Обратимся к наглядным примерам, чтобы установить искомую связь между существованием и природой предметов. Под природой последних будем понимать абстрактную или конкретную природу. Условимся, что конкретной природой, как в случае с треугольниками на доске и прочими видимыми фигурами, обладают эмпирические вещи, а абстрактной, как в случае с треугольником вообще, — интеллигибельные вещи.

Природа вещи будет пониматься как способ бытия того или иного предмета. Через описание или посредством примеров тот или иной способ бытия может быть эксплицирован в определении вещи. Последнее же на логическом уровне будет представлять собой определение сущности предмета, составленное из серии существенных, неотъемлемых от самого объекта признаков [4, с. 119].

Итак, справедливо было бы считать, что какое-то висящее на дереве яблоко может быть не только красного, но и другого цвета. Ни оно само, ни его существование, несколько не зависят от этого преходящего свойства. И действительно, красное яблоко, перестав быть красным, еще не перестает быть от этого яблоком, а потому не обрывает свое существование. Так, например, яблоко может изменить свой цвет, к примеру, пожухнуть. Но это еще не прекращает окончательно его существования. Или, напротив, являясь изначально зеленым, оно впоследствии может стать красным. Однако от этого яблоко не перестанет быть яблоком и, понятно, не перестает быть вообще. Тем самым изменение в цвете объекта несколько не отнимает его существования.

Понятно, что качественное изменение такого объекта, каким является конкретный эмпирический предмет, может произойти в результате самых различных причин, благодаря которым он может даже прекратить свое существование, если утраченный им признак будет для него существенным. И потому, утратив свое существенное, характеристическое свойство, данный в опыте эмпирический предмет перестанет существовать вообще. Но, конечно же, конкретный цвет предмета не является определяющим его качеством.

Отметим, что конкретные объекты находят свое существенное или характеристическое свойство в собственном определении, хотя последнее и является общим для них с другими объектами того же вида. Так, например, яблоко в самом общем смысле слова представляет собой

сочный, обычно многосемянный нераскрывающийся плод растений семейства розоцветных подсемейства яблоневых [2, с. 1578]. Учитывая особенности различных конкретных плодов, понятия некоторых из них могут быть подведены под приведенное общее им всем определение. Утрачивая свое соответствие данному определению в силу тех или иных вполне материальных причин, все конкретные яблоки могут перестать существовать. Однако, утрачивая иные свои специфические свойства, они еще не перестают каким-то образом быть.

Совершенно по-другому обстоит дело с абстрактными объектами, такими, например, как «яблоко вообще». Само рассуждение о таком объекте могло бы вызвать массу обвинений в идеализме и платонизме. Поэтому остановимся для начала на более привычном объекте, хорошо известном из математики.

Обратим внимание на «треугольник вообще», т. е. на общее понятие треугольника как геометрической фигуры. Обладание свойством треугольности для него является необходимым и, возможно, достаточным, чтобы он имел некоторое существование. И действительно, если говорить о форме треугольника, то его, как кажется, нет без самой этой формы, т. е. без треугольности. Утрачивая свою треугольность, треугольник перестает быть треугольником, а вместе с тем перестает и быть, прекращает свое бытие.

Отметим, что под формой треугольника или под свойством его треугольности можно понимать соответствие его самому себе, т. е. равенство треугольника с самим собой, обладание своим существенным признаком. Это равенство или тождество вещи самой себе означает конкретный способ ее бытия в том или ином качестве, т. е. в данном случае, в качестве треугольника.

Такого рода «формы» геометрических фигур, как «треугольность», «прямоугольность», «остроугольность» и т. п., суть определенности, свойственные интеллигибельным объектам. Они опреде-

ляют соответствие самим себе тех или иных объектов и выражаются в наличии соответствующего признака «быть треугольным», «быть прямоугольным», «быть остроугольным» и т. п. Часто такого рода соответствие между предметом и соответствующим, присущим ему признаком выражается в формальной логике законом тождества, согласно которому не только понятие сохраняет в рассуждении или в мышлении свою неизменность или соответствие самому себе, но и мыслимый в нем объект обладает своей устойчивостью и неизменностью. В дефиниции это соответствие в том или ином случае выражается набором соответствующих признаков, тождественных в своем общем им объеме определяемому понятию.

Следует сказать, что вопрос о тождестве объекта самому себе не может считаться тривиальным, поскольку сама природа тождества или равенства в логике остается не до конца проясненной, т. е. бессодержательной. Те свойства тождества или равенства, о которых говорит логика, а это транзитивность, рефлексивность и симметричность, представляют собой формальные свойства, присущие отношению равенства в аксиоматической системе. Они не раскрывают теоретико-познавательного характера тождества. И в этом смысле тождество, будь то тождество понятия самому себе, тождество мыслимого при посредстве данного понятия объекта или тождество определяемого и определяющего в той или иной дефиниции, может иметь характер совершенно иной, нежели чем тот, каким обладает формальное равенство в аксиоматической теории в формальной логике. Тем не менее, чтобы выявить логическую связь между соответствием объекта, т. е. его тождеством с самим собой, и его же существованием, целесообразно выразить это тождество через равенство.

Отметим и то обстоятельство, что не только обладание своим характеристическим или существенным свойством может рассматриваться как соответствие некоторого объекта самому себе. Само по

себе соответствие или тождество, равенство объекта с самим собой может рассматриваться как особый предикат, выражающий постоянный и неизменный характер объекта.

Так или иначе, но целесообразно в отношении обозначенной проблемы взаимосвязи между объектом и его природой рассматривать тождество как некоторое соответствие или равенство объекта самому себе, что, конечно же, может быть выражено и через предикацию присущего ему признака, неотъемлемого от него и совпадающего в своем объеме с экстенсионалом определяющего объект понятия. Отношение между субъектом и предикатом, какое будет иметь место в предложении, окажется отношением предикации. Но задающее его слово-связка «есть» получит уже значение тождества, что всегда бывает в тех случаях, когда дефиниенс и дефиниендум совпадают в объеме.

Таким образом, тождество объекта с самим собой может быть представлено и через предикацию присущего ему и неотъемлемого от него признака. При этом тождество само возможно принять в качестве признака, который может быть предиктирован некоторому объекту в том случае, если о нем известно, что ему присущ некоторый, существенный и отличительный для него признак.

Иначе говоря, если некоторому субъекту x присущ неотъемлемый от него признак P , то должно иметь место также и утверждение о том, что $x = x$, или, используя язык силлогистики Стагирита, C есть P влечет C есть C [1, с. 132].

Исходя из всего вышесказанного относительно тождества и взаимосвязи между формой и самим объектом можно сделать следующие выводы. Итак, для треугольника «перестать быть треугольником» означает то же самое, что «перестать быть вообще». При этом «перестать быть треугольником» означает для треугольника «потерять свою треугольность», т.е., говоря иначе, расстаться со своей собственной «формой». С другой стороны, для некоторого конкретного яб-

лока «перестать быть красным» не будет означать ни «перестать быть яблоком», ни «перестать быть вообще». Однако понятно также и то, что яблоко может «перестать быть вообще», если отнять от него какой-то существенный, характерный его признак. Последнее, если оно случится с некоторым, вполне эмпирическим яблоком, сделает необходимым его разотождествление. Поэтому и тезис «перестать быть яблоком» в отношении него окажется истинным.

Таким образом, для треугольника «быть треугольником» означает «обладать формой треугольности». Но для конкретного яблока «перестать быть красным» еще не означает «перестать быть яблоком». С другой стороны, и для «яблока вообще», и для какого-то конкретного яблока потерять по той или иной причине свой необходимый признак или признаки означает «перестать быть яблоком», а потому также и «перестать быть вообще».

Что касается, например, бытия Парменида, то для него «быть бытием» означает просто «быть». И отношение между этим «быть» и бытием такое же, какое существует между треугольником и присущими ему признаками «быть треугольником» и «обладать формой треугольности». Одного здесь нет без другого. Нет тождества объекта самому себе без присущего ему свойства.

Отличием же в случае с бытием и треугольником вообще выступает то, что неотъемлемым свойством бытия является само же существование, а не та или иная форма, и не то или иное его определение в принципе. Иными словами, для бытия «быть самим собой», т.е. находится в тождестве с самим собой или «быть бытием» означает просто «быть». У треугольника же вообще, как и у прочих абстрактных объектов, таковым существенным и необходимым признаком не выступает само существование, само их «есть». И потому, если известно, что нечто «есть», то отсюда еще не следует, что именно оно есть.

Таким образом, если речь идет не о бытии, но о любом другом, даже абстрактном объекте x , то в данном случае нельзя заключить, что из « x есть» следует, что « x есть P », т.е. вывод « S есть влечет S есть P » будет невозможен. С бытием же дело как будто должно обстоять совсем иначе.

Заметим теперь то, что приведенное выше рассуждение о треугольнике вообще относилось скорее не к эмпирическому треугольнику, изображенному на доске или, скажем, на песке, но к треугольнику как таковому, к интеллигибельному треугольнику. Изображенные на доске или представленные в воображении треугольники не являются треугольниками вообще. Они могут прекратить свое существование и, конечно же, прекращают его, если их конфигурация существенно изменяется или они вовсе стираются с доски. И этим данные треугольники не отличаются от прочих эмпирических, контингентных вещей. Точно так же ведь и яблоко перестает быть яблоком, когда оно падает в землю и полностью превращается в перегной. Или, например, также обстоит дело, когда это яблоко кто-то съедает. По этой частной причине оно и может перестать существовать. Треугольник же вообще, а также и яблоко вообще, и все прочие общие и вместе с тем абстрактные предметы не принадлежат чувственному или эмпирическому миру, а потому для них не справедливы физические законы, делающие вещи переходящими.

Отметим, что треугольник вообще невозможно изобразить на доске или представить в воображении, его можно только мыслить. Треугольники, нарисованные на доске или представленные в воображении, всегда являются конкретными, отличающимися от других, таких же конкретных треугольников. Так, например, всякий нарисованный треугольник будет или остроугольным, или тупоугольным, или прямоугольным и т.п. Иными словами, всякий конкретный треугольник будет отличаться от всех дру-

гих треугольников. Но понятно, что под общее понятие треугольника будет подпадать каждый из них.

Что представляет собой треугольник вообще? Форма его, если о таковой вообще можно говорить в согласии с общим понятием о треугольнике, представляет собой нечто только мыслимое, но не представляемое. И действительно, треугольником называется такая геометрическая фигура, которая образуется тремя отрезками, соединяющимися тремя точками, не лежащими на одной прямой [9, с. 587]. Такую фигуру сложно себе представить в ее конкретном виде, ведь в этом случае треугольник оказывается уже конкретным, отличным от других, т.е. прямоугольным, остроугольным, тупоугольным и т.п. Тем не менее, такого рода общий предмет мышления, как «треугольник вообще» вполне можно мыслить без ущерба для его бытия, т.е. его существования. Последнее означает, что возможно дать определение треугольнику вообще, но невозможно его вообразить, представить или изобразить. Таким образом, понятно, что своеобразные формы интеллигибельных вещей не есть видимые формы реальных, т.е. чувственных предметов, но существуют, как об этом заверяет А. Реньи, лишь в сознании, т.е. в человеческом мышлении [11, с. 27].

Надо сказать, что многие геометрические фигуры таковы. Так, например, если воспользоваться определениями Евклида, то можно обнаружить, что точка, это «то, что не имеет частей», а линия суть «длина без ширины» [5, с. 11]. Понятно, что такого рода фигуры, вернее, их формы, невозможно себе представить. Например, любая видимая или представляемая точка будет иметь и части, и обладать возможностью быть разделенной на них. И всякая представляемая или воображаемая линия будет иметь некоторую ширину, вернее, толщину. Сам Евклид определяет эти фигуры таким образом только потому, что это, по всей видимости, было удобно для целей его геометрии. Но, с другой стороны, понятно и

то, что в том случае, если наделить точку частями и линию шириной, в результате получились бы или другие геометрические фигуры, или сами эти фигуры стали бы неопределенными. Например, если бы линия имела толщину, то она тут же приобрела бы своеобразные черты прямоугольника или, по крайней мере, двух параллельных прямых. И точно также, если бы точка имела части, то следовало бы говорить уже о гораздо более сложной геометрической фигуре, имеющей радиус и окружность.

Понятно, таким образом, что формы интеллигибельных объектов невозможно увидеть или представить. Их можно только мыслить. Но, проводя параллели с философией, тоже самое можно сказать о многих предметах философских теорий, например, о бытии Парменида или идеях Платона.

И действительно, бытие у Парменида только мыслится и никогда не представляется. И то же самое верно для идей Платона. С другой стороны, у этих своеобразных объектов тоже есть своя «форма», полностью укладывающаяся в их определение. Так, для бытия Парменида такой «формой» выступает определение «то, что есть», вернее, «сущее само по себе». Утратив свою «форму», бытие перестает быть самим собой и в принципе перестает существовать, т.е. быть вообще. Подобно треугольнику вообще, утратившему свою треугольность и в этой связи перестав быть самим собой, т.е. перестав существовать в принципе, бытие перестает быть бытием и тут же прекращает свое существование. Нужно думать, что в этом и заключается сходство между бытием в таком его абстрактном понимании и прочими абстрактными, т.е. интеллигибельными объектами.

Отличием же различных геометрических фигур, понятых в их обобщенном и абстрактном смысле, от бытия Парменида, является то, что они поддаются экземплификации, т.е. можно нарисовать или представить конкретные геометрические тела, тем самым сузив их объем до определенного вида. С бытием же очень

сложно произвести то, что называется экземплификацией. И при абсолютной трактовке бытия ограничить его объем невозможно.

Тем не менее, уже в отношении идей как подлинных образов или «видов» вещей, такое ограничение в некотором роде оказывается уже возможным. Но результатом данной операции получаются уже тени или симулякры. И они уже не представляют собой разновидности или виды идей, а также и не их части, отличные от целого, но совершенно иные образования и понятия мышления.

Интересно отметить, что такие идеальные вещи, как треугольник вообще, евклидовы точки и линии мыслятся согласно с их определениями безотносительно к воображению, восприятию или вообще какой-либо специфической способности мыслящего индивида. Идеальные объекты, если понятия о них были правильно составлены, у всех одни и те же, они не зависят от произвола индивидуального мышления. Представления же о конкретных эмпирических предметах всегда индивидуально «окрашены». Они связаны с индивидуальным опытом и субъективными особенностями познания, с представлением, воображением и вообще индивидуальным восприятием.

Отметим в данном отношении, что бытие в понимании Парменида также должно мыслиться одинаково в согласии с его определением. И то же самое следовало бы сказать о многих других философских объектах, понимание которых может иметь свой индивидуальный путь, быть сколь угодно сложным и смутным. Однако, если таковое понимание все же достигает своей цели, то обретающееся на его вершине понятие оказывается у всех одним и тем же.

Подвержен ли треугольник вообще точно таким же изменениям, каким подвержены те конкретные треугольники, которые рисуются на песке или на доске? По всей видимости, на этот вопрос можно дать лишь отрицательный ответ. Конечно, можно разлагать и соединять различные геометрические фигуры и тела в

воображении, однако все это будут касаться только конкретных геометрических фигур, тогда как общие понятия их при этом останутся совершенно незатронутыми всеми подобными переменами.

Не войдет ли тогда в значение понятия о треугольнике вообще такой объект, который не будет зависеть от всех тех изменений, какие происходят с его эмпирическими разновидностями, т.е. экземпляризациями? На этот вопрос, ответ на который напрашивается сам собой, не просто ответить.

Понятие «треугольника самого по себе» будет уже единичным, тогда как понятие «треугольника вообще» является скорее общим. Субстантивация, т.е. наделение «треугольника вообще» самостоятельным существованием, делает из него особый объект мысли. По сути, этот объект мысли совпадает с понятием «треугольника вообще», которое, по видимому, и оказывается подлинным объектом в понятии о «треугольнике самом по себе». Процесс субстантивации тем самым охватывает само понятие общего предмета мысли, которое в новом, образованном от него понятии, образует в своем объеме один единственный объект. Этот вопрос, впрочем, можно считать дискуссионным, затрагивающим вопросы «мотивации» и порождения одних слов другими, субстантивации и образования абстрактных понятий, а также мыслимых в их объеме объектов.

Считается, что понятия, подобные понятию «треугольник вообще», являются общими. Это означает, если говорить именно о треугольнике, что в объем его входит множество всех возможных треугольников, какие только можно себе представить, помыслить или нарисовать на доске. Однако, если под «треугольником вообще» мыслить нечто особенное и самостоятельно существующее, т.е. нечто отличное от всех его конкретных экземпляризации и не зависящее от них, то в объем данного понятия «треугольника самого по себе» войдет только один единственный объект. «Формой» его бу-

дет, если о таковой вообще можно здесь говорить, определение «треугольника вообще», т.е. содержание и смысл общего понятия, от которого оно было образовано.

Что можно сказать о таком абстрактном объекте, как «треугольник сам по себе»? Не будет ли понятие о нем чем-то вроде понятия, построенного через понятие о всей совокупности различных треугольников, или понятием понятия, т.е., своего рода понятием второго порядка? И не будет ли в этом новом понятии мыслиться уже не весь ряд всевозможных конкретных треугольников, т.е. не состоящее из отдельных элементов-треугольников множество, которое мыслится в общем понятии «треугольник вообще», но все это множество, данное и понятное как нечто целое, вернее, как нечто единственное? Не окажется ли тогда данное понятие собирательным и сингулярным? И не будет ли в этом случае общее понятие «треугольник вообще» субстантивировано? Не превратится ли мыслимый в его объеме общий род в индивид, т.е. вещь?

Очевидно, что о «треугольнике самом по себе» уже нельзя будет сказать все то, о чем только можно говорить и мыслить применительно ко всем конкретным треугольникам. Этот объект получит новые свойства, а значит и природа его будет уже другой. Он, конечно же, не будет чем-то преходящим.

Например, «треугольник сам по себе» нельзя будет без ущерба для его собственного бытия мыслить как что-то такое, что имело бы пространственную локализацию, т.е. свое место и конкретные очертания в пространстве. Он будет обладать «каузальной пассивностью» и даже полной статичностью, т.е. неподвижностью. Проще говоря, на него не будут оказывать никакого влияния движущиеся и расположенные в пространстве вещи. И в этом отношении «треугольник сам по себе» будет вынесен за рамки причинно-следственных связей. Не имея никакой связи с пространством и чувственным

восприятием, он также не будет иметь никакого отношения к движению и времени. Такой треугольник будет обладать типичными абстрактными свойствами [7, с. 71].

Заметим также и то, что в том случае, когда о «треугольнике вообще», понятие о котором является общим, говорят как о чем-то одном, то всегда имеют в виду «треугольник само по себе», понятие которого является уже единичным. Однако в естественной речи и в математической практике, в особенности в школе, при построении тех или иных теорем не проводится разница между ними.

Что же можно будет сказать о существовании треугольника самого по себе? Не будет ли его бытие более устойчивым, нежели существование конкретных треугольников, запечатленных на песке или, скажем, на бумаге? По всей видимости, на этот вопрос нужно ответить удовлетворительно. Но, с другой стороны, понятно, что все существование такого интеллигибельного треугольника не будет эмпирическим, оно окажется сугубо интеллигибельным. И потому в данном конкретном случае нельзя будет сказать, что такой треугольник существует сам по себе, безотносительно к мышлению или сознанию.

По поводу самостоятельного бытия интеллигибельных объектов есть различные точки зрения. Так, например, согласно неологистскому подходу в математике, все интеллигибельные объекты представляют собой порождения ума, несуществующие без соответствующей конструкции или определения в самом же мышлении [13, с. 17]. Согласно же «полнокровному» реализму, данные объекты существуют сами по себе, образуя свой идеальный мир [13, с. 12].

Философию издавна привлекали подобного рода интеллигибельные вещи. Философы пытались найти среди них такую, существование которой не зависело бы всецело от человеческой мысли. Подобные вещи нередко назывались идеальными или даже самими идеями [12, с. 201], но чаще всего они получали назва-

ние общих категорий. Ситуацию с последними усложняло только то, что категории часто понимались предельно общими. При этом, если не все, то очень многие категории, вернее, соответствующие им общие понятия, на деле оказывались собирательными и сингулярными, а обозначаемые ими объекты казались существующими сами по себе, безотносительно к человеческому сознанию, т.е., в принятой классификации понятий, конкретными [6, с. 257]. Это затрудняло описание и понимание категорий, заставляло говорить то об их самостоятельном бытии, то об их существовании только в мышлении.

Справедливости ради следует сказать, что не только отвлеченные геометрические тела, если говорить о «фигурах вообще», могут быть названы интеллигибельными, не эмпирическими. Тоже самое можно сказать об общих родах и видах простых эмпирических вещей. Эти роды и виды объективно существуют только в своих индивидах, тогда как сами общие понятия обладают лишь интеллигибельной природой и бытием в мышлении.

Сделаем теперь промежуточный вывод. При первом приближении к различию между абстрактными и конкретными объектами — если настаивать на естественной точке зрения на рассмотрение вещей — об их природе можно сказать следующее. Одни вещи в связи с их абстрактной природой кажутся неизменными, другие, связанные с природой конкретной, кажутся преходящими. Первые имеют интеллигибельное существование, вторые — существование эмпирическое. При этом сам способ существования, т.е. их преходящий или неизменный характер соответственно, тождествен их природе — интеллигибельной и абстрактной или эмпирической и конкретной.

Понятно, конечно же, что можно говорить о некоторой степени конкретности и абстрактности разных вещей, т.е. о степени их общности. Тем не менее, в отношении общих и единичных предметов следует признать, что только послед-

ние могут в общепринятом смысле считаться конкретными.

Из вышесказанного также следует, что между природой вещи, выражающейся ее неизменностью или соответствием самой себе с одной стороны, и ее существованием или бытием с другой, имеется некоторая связь.

Надо сказать, что данная связь не раз обнаруживалась в истории философии. Примером здесь выступает мир идей Платона. Как известно, идеи афинского философа интеллигбельные, а потому имеют более устойчивое и совершенное существование, нежели чем вещи эмпирические, являющиеся, по мнению мыслителя, лишь копиями идей. И действительно, в отличии от контингентных вещей платоновские идеи не ломаются, не имеют частей, они неподвижны. Они не исчезают вместе с гибелью конкретных их образчиков, и не возникают в уме только потому, что перед взором появляются обычные эмпирические вещи. Их существование в этом смысле несколько не зависит от эмпирии.

Таково же и бытие элейского философа Парменида, отличающееся своим неизменным и постоянным характером. При этом бытие элеата тоже является глубоко интеллигбельным, т.е. только предметом ума, но не восприятия.

Таким образом, интеллигбельные вещи, такие как «треугольник сам по себе», бытие Парменида, эйдос Платона или, например, «яблоко само по себе», имеют существование более устойчивое и постоянное, нежели вещи эмпирические и обретающиеся в чувственном опыте. Хотя, конечно, следует признать, что такого рода абстрактные объекты не обладают возможностью быть увиденными или данными в опыте, т. е. не могут быть воспринятыми.

Таково, по всей видимости, естественное представление о вещах эмпирических и математических. И таково же философское представление об интеллигбельных предметах и предметах чувственных. По всей вероятности, в этом и

состоит естественная и отчасти философская точка зрения на вещи.

Объекты, изучаемые философией, конечно же, явно сложнее обычных абстрактных родов и видов, хотя они имеют с ними некоторое сходство. И потому стоит присмотреться к самим объектам философии внимательнее, чтобы объяснить их отличительные особенности как абстрактных объектов.

Остановимся, в частности, на бытии Парменида, рассмотрим это последнее в контексте обсуждаемой проблематики взаимосвязи тождества абстрактного объекта и присущего ему существования. И начнем с того сходства и различия бытия с прочими абстрактными объектами, какие уже были ранее вскрыты.

Несмотря на то, что такой интеллигбельный объект как бытие очень похожит на любой другой абстрактный объект, тем не менее он отличается от других интеллигбельных объектов некоторыми своими специфическими свойствами.

Сходство бытия с абстрактным объектом заключается в том, что бытие, как и любой другой абстрактный объект, утратив свою «форму» или свое характеристическое существенное свойство, сразу же перестает быть самим собой и потому перестает быть вообще. Оно в этом подобно треугольнику самому по себе, утратившему свою треугольность и оттого переставшего быть треугольником, вследствие чего, в свою очередь, прекращающего и свое существование. Точно также и бытие, утрачивая свое характеристическое свойство и перестав быть бытием, тут же прекращает свое существование.

Отличие же бытия от иных абстрактных объектов и от «треугольника самого по себе» в частности состоит в том, что его существенное свойство и его существование суть одно и то же. И действительно, самым элементарным характеристическим свойством бытия у Парменида выступает существование.

Характеристическим признаком, неотделимым от самого бытия, выступает

признак «быть существующим», т. е. просто «быть» или, выражаясь словами Парменида, «есть». Из этого простейшего признака уже грамматически вырастают в большинстве своем прочие многочисленные предикаты бытия в поэме элейского философа [3, с. 286]. И потому говорить о какой-то более простейшей «форме» бытия в смысле его определенности попросту нельзя. Самым элементарным свойством бытия у Парменида выступает существование.

Здесь надо отметить, что характеристическое свойство «быть существующим» оказывается у бытия одним и тем же со всеми прочими объектами, если существование последних каким-то образом признается. С другой стороны, если смотреть на бытие элеата как на полноту всего сущего, т.е. мыслить под абсолютным бытием все сущее в его совокупности, то признак «быть существующим» окажется присущ только одному ему.

Последнее верно по той причине, что в отношении иных контингентных вещей, если о таковых вообще можно говорить наравне с бытием, справедливо и «быть существующим», и «быть несуществующим», поскольку те меняются в различном отношении в пространстве и во времени. Иными словами, признак «быть существующим» вполне отделяется от них, если те утрачивают свое существование по той или иной причине. И поэтому признак бытия вовсе не мыслится вместе с ними по необходимости. С бытием же не так, поскольку признак «быть существующим» аналитически мыслится в самом его понятии.

Иные абстрактные объекты наряду с бытием, хотя они и существуют каким-то образом, все же отличны от последнего тем, что их характеристическое свойство и свойство «быть существующим» не есть одно и то же. Это означает, что их характеристический признак в своем объеме не задает тот же класс объектов, что и признак «быть существующим». Поэтому у данных абстрактных объектов существенный признак и признак «быть существующим» не являются тожде-

ственными друг другу. Тем не менее, в случае с понятием «бытие» при его абсолютной трактовке все обстоит совсем иначе. Здесь характеристический признак и признак «быть существующим» суть одно.

Помимо этого, следует особо отметить, что понятие «бытие» или, если угодно, понятие «сущее само по себе», задает тот же самый класс объектов, что и существенный признак бытия «быть существующим».

Последнее означает, что предикация существования бытию должна представлять собой тавтологию, поскольку признак «есть», понятый экстенционально, будет задавать тот же самый класс объектов, что и понятие «бытие», рассматриваемое интенционально [8, с. 34]. Иными словами, выражения «бытие есть» и «бытие есть бытие» должны считаться синонимичными, эквивалентными друг другу по своему значению.

Соответственно этому можно прийти к мысли, что отрицание за бытием существования должно быть эквивалентно отрицанию его тождества с самим собой. И наоборот, отрицание тождества бытия с самим собой должно быть эквивалентно отрицанию его существования. С другой стороны, утверждение за бытием существования должно быть эквивалентно утверждению его тождества с самим собой, а утверждение о его тождестве с самим собой должно быть эквивалентно утверждению о его собственном существовании.

Таким образом, в отличие от иных абстрактных объектов, в отношении бытия должно быть не только необходимо, но и достаточно, чтобы одно только его существование определяло и его тождество с самим собой. И наоборот, должно быть логически необходимо и вместе с тем достаточно, чтобы тождество бытия с самим собой определяло его существование.

Надо, впрочем, отметить, что по своей логической форме выражения «бытие есть» и «бытие есть бытие» нельзя считать синонимичными. Первое выражает

собой существование, второе – равенство. Формы обоих суждений не совпадают, а выводимость их друг из друга стоит под вопросом.

Описанное выше отношение между тождеством объекта и его существованием может быть выражено в логической теории по-разному. Этим отношением может быть признано, например, отношение эквивалентности, в которое поставлены утверждение о тождестве объекта самому себе и, соответственно, утверждение о его существовании. Также речь может идти о материальной импликации или, скажем, логической выводимости, если выяснится, что эквивалентности между обоими тезисами нет. Наконец, можно ставить вопрос о том, не является ли одно из этих предложений presupпозицией в отношении другого. По-

нятно, что все это требует своего объяснения.

Приведенные выше тезисы требуют строго логического подтверждения или, напротив, опровержения. Эта задача не кажется тривиальной хотя бы потому, что выражения вида «сущее есть» и «сущее есть сущее» не могут быть переведены на строгий язык логики тем же самым способом, каким переводят предложения естественного языка вида «Тигр рычит» или математические выражения вида « $7 + 5 = 12$ » [10, с. 114]. Подобного рода перевод требует довольно изощренной интерпретации. Такая интерпретация и последующее подтверждение или опровержение всех озвученных здесь тезисов средствами символической логики представляет собой задачу отдельного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. 688 с.
2. Большой энциклопедический словарь. М.-СПб.: Советская энциклопедия, «Ленинградская галерея», 1993. 1628 с.
3. Вольф М.Н. Философский поиск: Гераклит и Парменид. СПб.: Издательство РХГА, 2012. 382 с.
4. Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. М.: Изд-во МГУ, 1989. 239 с.
5. Евклид Начала Книги I-VI. М.-Ленинград: Государственное издательство Технико-теоретической литературы, 1950. 446 с.
6. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. 721 с.
7. Кононов Е.А. Аналитическая метафизика. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2022. 495 с.
8. Левин Г.Д. Проблема универсалий. Современный взгляд. М.: Канон+, 2005. 224 с.
9. Математический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1988. 847 с.
10. Мур Д.Э. Является ли существование предикатом? // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2009. №4(8). С. 111–122.
11. Реньи А. Диалоги о математике. М.: Едиториал УРСС, 2004. 96 с.
12. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.
13. Целищев В.В. Онтология математики: объекты и структуры. Новосибирск: Нонпарель, 2003. 240 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Aristotel'. Sochineniya v 4-h t. T. 2. M.: Mysl', 1978. 688 s.
2. Bol'shoj enciklopedicheskiy slovar'. M.-SPb.: Sovetskaya enciklopediya, «Leningradskaya galereya», 1993. 1628 s.
3. Vol'f M.N. Filosofskij poisk: Geraklit i Parmenid. SPb.: Izdatel'stvo RHGA, 2012. 382 s.
4. Vojshvillo E.K. Ponyatie kak forma myshleniya: logiko-gnoseologicheskij analiz. M.: Izd-vo MGU, 1989. 239 s.

-
5. Evklid Nachala Knigi I-VI. M.-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Tekhniko-teoreticheskoy literatury, 1950. 446 s.
 6. Kondakov N.I. Logicheskij slovar'-spravochnik. M.: Nauka, 1975. 721 s.
 7. Kononov E.A. Analiticheskaya metafizika. M.: Izd-vo NIU VSHE, 2022. 495 s.
 8. Levin G.D. Problema universalij. Sovremennyy vzglyad. M.: Kanon+, 2005. 224 s.
 9. Matematicheskij enciklopedicheskij slovar'. M.: Sov. enciklopediya, 1988. 847 s.
 10. Mur D.E. YAvlyaetsya li sushchestvovanie predikatom? // Vestn. Tom. gos. un-ta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. 2009. №4(8). S. 111–122.
 11. Ren'i A. Dialogi o matematike. M.: Editorial URSS, 2004. 96 s.
 12. Filosofskij enciklopedicheskij slovar'. M.: Sov. enciklopediya, 1983. 840 s.
 13. Celishchev V.V. Ontologiya matematiki: ob"ekty i struktury. Novosibirsk: Nonparel', 2003. 240 s.

Поступила в редакцию 09.12.2025.

Принята в печать: 30.01.2026.
